

Ожог сердца

Слово о Чокане

Кайсар КУСАИНУЛЫ,
кандидат исторических
наук, доцент КазГУ

Он верил в науку, в ее этические ценности со страстью пророка. Исследователи почему-то об этом забывают, рисуя образ разностороннего, но при этом несколько академичного ученого, глубокого бытописателя, но при этом едва ли не заурядного путешественника.

Между тем путешествия его были сопряжены с огромным риском для жизни. Особенно то, которое он совершил в 1858 году под видом купца-мусульманина (прошел через Тянь-Шань в Кашгар). Оно было непредсказуемо и полно опасностей. Еще были три экспедиции от Западно-Сибирского генерал-губернаторства, где тогда служил, в Джунгарию, на Иссык-Куль и в Кульджу! Тоже не прогулки! Не обладай Чокан личной храбростью, материалом для написания трудов «Очерки Джунгарии», «О состоянии Алтыншара или шести восточных городов китайской провинции Нанлу (Малой Бухарии) в 1858—1859 годах», «Выпис-

ка из отчета о путешествии в Кашгар поручика Валиханова», анализа проблем общественно-экономического строя центральноазиатских государств он, конечно же, не располагал бы.

С мало кому присущей энергией всюду интересовался он укладом коренного населения, природой, ландшафтами и рельефом края. Да еще успевал записывать изустные предания. Именно он открыл киргизский эпос «Манас».

И вполне закономерно, что в 1860—1861 годах в Санкт-Петербурге, в Главном штабе именно Ч. Валиханов обобщал сведения по готовившейся карте Азии.

Ох уж этот Петербург!.. Упоминаемый в соседстве со столь высокородными фамилиями, что даже сейчас захватывает дух, наш знаменитый поручик кое-кому представляется чуть ли не паркетным шаркуном.

О, он смотрелся в вышнем свете! Но оставаясь самим собой. Не меняя убеждений, не изменяя родной земле. Европейски образованный человек, Чокан так и не променял ковыльные степи на гранитные мостовые. И всегда оставался защитником интересов своего народа. Кому-

кому, а ему доставало мужества.

Читая статью ученого, чувствуешь, как сильно он был обеспокоен тяжелым положением казахов в связи с расширением захвата их земель. Рассматривая скотоводство как доходную отрасль, Ч. Валиханов считал необходимым создать для него нормальные условия: «В наше время число скота у киргиз более и более уменьшается, и падеж делается чаще и опустошительнее. В этом можно убедиться, если сравнить исчисления 20-х и 30-х годов с исчислениями 40-х годов» (Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I, с. 531). Чокан был убежден, что спасти бедствующий народ от дальнейшего разорения могла только политика на сохранение пастбищных угодий и водных источников. Он предлагал упразднить на благоприятных для скотоводства землях своевременно созданный Баян-Аульский приказ, «приписав подведомственные ему волости в состав других округов, или же перенести на урочище Бель-Агач» (с. 534), а землю вернуть скотоводам под зимовки. «Я предлагал бы справедливым, — писал Чокан Валиханов генерал-губернатору Западной Сибири, —

прежде всего наделять зимовками и лесными участками коренных жителей киргиз (казахов), а затем оставшиеся места отдавать казакам, так как по закону казаки должны быть наделяемы землей без стеснения киргиз (казахов) в их пастбищах» (Собр. соч., т. I, с. 535).

Высокой заслугой Чокана Валиханова является тот факт, что в условиях царского колониального режима он по-людски и живо реагировал на нужды своего народа. И совсем не его вина, что предлагаемые им меры поднятия животноводства не осуществлялись. Виною тому было всевластие государства Российского. Взять грабительскую налоговую политику. Казахи платили ясак и кибиточную подать. Так вот, по мнению Ч. Валиханова, ясак, платимый сибирскими киргизами по числу скота, был более справедливым. Кибиточный же сбор, собираемый с зауральских киргизов (казахов), замечал он, «не выдерживает самой поверхностной критики, тяготен для народа» (Собр. соч., т. I, с. 523).

Эта поднятая Валихановым проблема не осталась без внимания властей. Тогдашняя официальная печать вынужденно, нет ли, писала: «...кибиточная подать... составляет одно из самых крупных зол в экономической жизни киргиз, представляя неограниченное поле для злоупотребления лицам туземной администрации» («Русская

мысль», 1902, № XXVII, с. 61).

Крупная личность, он был из тех, чья жизнь по самую кончину заурядной логике не поддается. Так, например, до сих пор не прояснены обстоятельства финала его жизни. Неясно даже, что за поступок или проступок совершил поручик Сибирского казачьего войска, оставив службу, бежав ли. («Исторический журнал», 1943, № 12, с. 33).

Статья А. Лурье («Исторический журнал», 1943, № 12, с. 33), например, наводит на мысль, что мотивы разочарования действительно у Чокана Валиханова были достаточно глубоки, вследствие чего он сложил оружие и сознательно отстранился от всякой деятельности, решив навсегда порвать с «цивилизованным» обществом.

Кстати, в воспоминаниях Г. Потанина сказано, что причиной разрыва Валиханова с Черняевым открыто названа расправа русских войск над единоверцами Чокана или, может быть, и над соплеменниками.

А вот И. Стрелкова пишет, что Чокан в отставку не подал. Не мог бы, не имел права уйти в отставку летом 1864 года («Валиханов», ЖЗЛ, «Молодая гвардия», М., 1983, с. 269, 270). Ч. Валиханов служил России, дав присягу царю, и без согласия больших командиров часть свою «на марше», в разгар карательного похода, оставить никак не мог.

...Пусть это даже было по

нынешним меркам... дерзтирство. Я и тогда пойму Чокана. Он проповедовал добро, мечтал о лучшей участи своего народа и стал соучастником (формальным, конечно же, но это обстоятельство его, всегда к себе взыскательного, успокоить не могло) расправы над ним. Пусть эта акция задолго не готовилась и для многих офицеров явилась неожиданностью, к тому ли он шел в своей жизни, на поверку служа не столько царю и Отечеству, сколько своим идеалам? Которые в одночасье оказались поруганными.

Думаю, это обстоятельство, по сути, послужило одной из причин его преждевременной смерти. Чокан получил «ожог сердца».

Он, подобно пушкинскому Алеко, устремляется к природе, в лоно размеренной патриархальной жизни. Но успокоение уже не находит. И женитьба на простой, искренней в чувствах девушке спасением также не становится. «Невольник чести», он точно сжигает себя изнутри, не оставляя шансов на жизнь, тем, вероятнее всего, случайным, несоответствием предопределяя свой срок.

Вот такого Чокана — в высоких человеческих проявлениях — на мой взгляд, изучать не менее важно.